

Уважаемая редакция! Летом 1971 года у нас в Чебоксарском русском драматическом театре состоялся художественный совет. На нем было принято решение перетарифицировать актеров, которые этого заслужили, в более высокие категории и прибавить оклады.

20 августа после отпуска собралась труппа, но главный режиссер Л. Иванов уже не работал.

В конце октября приступил к своим обязанностям новый главный режиссер Аркадий Викторович Бирюков. В ноябре на отчетно-выборном профсоюзном собрании директора театра И. Ксенофонтова спросили, почему задерживается перетарификация. Он ответил, что новый главный режиссер решил ознакомиться с актерами, а потом заняться этим делом. Актеры возразили: решение было принято до прихода нового главного и к тому художественному совету он отношения не имеет, так как тарифицировались актеры за прошлую работу. Этот же во-

ОБ УПРЯМОМ ДИРЕКТОРЕ И НЕРЕШИТЕЛЬНОМ МЕСТКОМЕ

прос был поднят и в обкоме профсоюза. Там повозмущались, на том дело и кончилось. На другом собрании директора снова спросили: почему он отказывается от своих решений? Ведь он председатель художества и сам голосовал за перетарификацию. Он отмолчался. Как заместитель председателя местного комитета по производственному сектору я не раз спрашивал главного режиссера, почему дело зата-

чивается. Он ссылается на директора: «Я к этому отношения не имею... Актеры жалуются, высказывают недовольство дирекцией».

Убедительно просим повлиять на наше руководство и помочь нам.

В. ГРИШИН,
заместитель председателя
месткома, актер Чебоксарского
русского драматического
театра.

ПИСЬМО В. Гришина датировано началом декабря 1971 года. Нетрудно высчитать, что с момента заседания художественного совета до письма в редакцию прошло пять месяцев. Время вполне достаточное, чтобы местный комитет театра мог договориться с администрацией. Но когда я приехала в Чебоксары, то оказалось, что документы не только не отправлены из театра, а просто-напросто... потерялись. Еще в июле секретарь партакма М. Каширская отдала их директору, а он... не берусь сказать, куда заложил Ксенофонтов эти документы. Когда в Чебоксарах и я занялась поисками, то оказалось, что документы исчезли бесследно. Впрочем, выяснилось и другое — и характеристики, и представления, и решение худсовета довольно просто было восстановить по копиям.

Итак, бумаги сделали заново, а потом я встретилась с людьми, которые в них значатся. Это один из старейших актеров театра А. Гусев, заслуженная артистка Чувашской АССР А. Григорова, которая проработала здесь больше тридцати лет. Ее давний товарищ по сцене А. Красотин, исполнитель роли Владимира Ильича Ленина, В. Гришин, который в новом сезоне сыграл главные роли в спектаклях «Здравствуй, Кривов» и «Справедливость — мое ремесло»; здесь и Р. Капитанова, тоже одна из ведущих актрис театра.

Разговор сначала не клеился — актеры просто изверились в успехе. Но потом разговорились. Нет, не прибавка к зарплате беспокоит этих людей. Для каждого перевод в более высокую категорию — это признание творческого роста и ценности труда, который они сполна от-

дают театру и зрителям.

Я говорила в театре со многими людьми. И ни один из них не остался спокойным, когда разговор заходил об этом случае. Искреннее возмущение действиями дирекции мне пришлось слышать не раз, а вот о местном комитете не вспомнил почти никто. Факт этот заставляет задуматься о многом, и прежде всего о месте профсоюзного комитета в жизни коллектива. Оно как нельзя более напоминает положение робкого приятеля. Директор театра хорошо знает эту слабость месткома, иначе Ксенофонтов не смог бы так долго отмалчиваться и отделываться неопределенными обещаниями.

Еще летом, после гастролей, в театре состоялось общее собрание коллектива. С трибуны было сказано много резких, но справедливых слов в адрес бывшего главного режиссера, директора и местного комитета. Местком, в частности, обвиняли в бездеятельности, в неумении постоять и за членов коллектива, и за свой авторитет. Потом в театре прошло отчетно-выборное профсоюзное собрание. Во главе местного комитета встал один из старейших актеров, уважаемый в коллективе человек А. Гусев. Но смела профсоюзного руководства никак не повлияла на судьбу перетарификации. Позиция членов месткома осталась, увы, все той же — они ходили за директором театра, просили, напоминали, вымаливая, точно милостыню, то, что он обязан был сделать и как директор, и как председатель художества, — передать документы в тарификационную комиссию Министерства культуры Чувашской АССР.

— Почему же так долго вы ограничивались только просьбами? —

спросила я у нового председателя месткома. Выяснилось, что сам Гусев тоже входит в злополучный список, и ему было «неудобно» слишком настаивать, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не заподозрил его, как он сказал мне, «в карьеризме».

Щепетливость председателя месткома вполне понятна. Жаль только, что она заставила Гусева забыть о главном — долге руководителя профсоюзной организации перед избравшими его товарищами.

По собственной воле оказался он в числе обиженных, хотя был у месткома вполне законный путь борьбы: можно было собрать специальное заседание, посвященное больному вопросу, познакомить с решением дирекцию театра и передать официальный документ в обком профсоюза работников культуры. «Но ведь я не раз говорил о нашем деле в обкоме!» — возразил мне Гусев. Да, там были и какие дела... тоже бездействовали и ждали, очевидно, что дело сделается само собой.

Вернувшись в Москву, я позвонила в Чебоксары. Документы переданы из театра в тарификационную комиссию. Оказалось, что нужно для этого не так уж много — чуть-чуть настойчивости и упорства и, главное, осознание профсоюзной организацией своих прав и обязанностей.

Может быть, не стоило бы так подробно излагать здесь все перипетии этого конфликта, но есть еще в редакционной почте немало писем, которые говорят о том, что не везде местными творческими организациями обрели тот вес и значение, которые принадлежат им по праву.

И. КИРИЛЛОВА,
спец. корр. «Советской культуры».
ЧЕБОКСАРЫ.